

БОРИС СЛУЦКИЙ

ПАМЯТЬ

БОРИС
СЛУЦКИЙ

Память

КНИГА
СТИХОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва

1957

ЧЕТЫРЕ
ВОЕННЫХ
ГОДА

Гримасу лица, искаженного криком,
Расправил, разгладил резцом ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.

Расту из хребта,
как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю.
И ниже меня остается крутая,
не взятая мною в бою
высота.

Здесь скалы
от имени камня стоят.

Здесь сокол
от имени неба летает.

Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.

От имени родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!

Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы

освобожденной страны,
Где графские земли

вручал
батракам я,

Где тюрьмы раскрыл,
где голодных кормил,

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.

Лежим
 безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
 в Кельнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.

Раз в день
 на площадь
 выводят лошадь,

Живую
 сталкивают с обрыва.

Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли

 неравно,
Пока по конине молотим зубами, —
О бюргеры Кельна,
 да будет вам срамно!

О граждане Кельна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кельнской яме
с голоду выли?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой —
Письмо
солдату Страны Советской.

«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за родину в Кельнской яме!»

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу...»

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

Улицы ветром продуты.
Рельсы звенят под трамваем.
Здесь погрузим продукты.
Вот к горе подплываем.
Гора печеного хлеба
Вздымала рыжие ребра,
Тянула вершину к небу,
Глядела разумно, добро,
Глядела достойно, мудро,
Как будто на все отвечала.
И хмурое, зябкое утро
Тихонько ее освещало.
К ней подъезжали танки,
К ней подходила пехота,
И погружали буханки.
Целые пароходы
Брали с собой, бывало.
Гора же не убывала
И снова высила к небу
Свои пеклеванные ребра.
Без жадности и без гнева.
Спокойно. Разумно. Добро.

Покуда солдата с тыла
Ржаная гора обстала,
В нем кровь еще не остыла,
Рука его не устала.
Не быть стране под врагами,
А быть ей доброй и вольной,
Покуда пшеница с нами,
Покуда хлеба довольно,

Пока, от себя отрывая
Последние меры хлеба,
Бабы пекут караван
И громоздят их — до неба!

ГОСПИТАЛЬ

Еще скребут по сердцу «мессера»,
Еще

вот здесь

безумствуют стрелки,

Еще в ушах работает «ура»,
Русское «ура-рарара-рарара!» —
На двадцать

слов

строки.

Здесь

ставший клубом

бывший сельский храм —

Лежим

под диаграммами труда,

Но прелым богом пахнет по углам —

Попа бы деревенского сюда!

Крепка анафема, хоть вера не тверда.

Попишку бы лядащего сюда!

Какие фрески светятся в углу!
Здесь рай поет!

Здесь
ад
ревмя
ревет!

На глиняном нетопленном полу
Томится пленный,
раненный в живот.
Под фресками в нетопленном углу
Лежит подбитый унтер на полу.

Напротив,
на приземистом топчане,
Кончается молоденький комбат.
На гимнастерке ордена горят.
Он. Нарушает. Молчанье.
Кричит!
(Шепотом — как мертвые кричат.)

Он требует как офицер, как русский,
Как человек, чтоб в этот крайний час
Зеленый,
рыжий,
ржавый
унтер прусский
Не помирал меж нас!

Он гладит, гладит, гладит ордена,
Оглаживает,
гладит гимнастерку

И плачет,
 плачет,
 плачет
 горько,
Что эта просьба не соблюдена.

А в двух шагах, в нетопленном углу,
Лежит подбитый унтер на полу.
И санитар его, покорного,
Уносит прочь, в какой-то дальний зал,
Чтобы он

 свою смертью черной
Нашей светлой смерти
 не смущал.

И снова ниспадает тишина.

И новобранцу
 свидетельствуют
 воины:

— Так вот оно,
 какая
 здесь
 война!

Тебе, видать,
 не нравится
 она —

Попробуй
 перевоевать
 по-своему!

Рассвет.

Два с половиной часа
Мира. И нет войны.
И каплет медленная роса —
Слезы из глаз тишины.
Рассвет. По высям облачных гор
Лезет солнце,

все в рыжих лучах,

Тихое,

как усталый сапер,

С тяжким грузом огня

на плечах.

Рассвет. И видит во сне сержант:

Гитлер! Вот он, к стене прижат!

Залп. Гитлер падает у стены.

(Утром самые сладкие сны.)

Рассвет — это значит:

раз — свет!

Два — свет!

Три — свет!

Во имя света для всей земли

По темноте — пли!

Солнце!

Всеми лучами гряны!

Ветер!

Суши росу!

...Ах, какая бывает рань

В прифронтовом лесу!

* * *

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх — за совесть и за почесть.
Лежит солдат — в крови лежит, в
большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

* * *

— Хуже всех на фронте пехоте!
— Нет! Страшнее саперам.
В обороне или в походе
Хуже всех им, без спора!

— Верно, правильно! Трудно и склизко
Подползать к осторожной траншее.
Но страшней быть девчонкой-связисткой,
Вот кому на войне
 всех страшнее.

Я встречал их немало, девчонок!
Я им волосы гладил,
У хозяйственников ожесточенных
Добывал им отрезы на платье.

Не за это, а так
 отчего-то,
Не за это,
 а просто
 случайно

Мне девчонки шептали без счета
Свои тихие, бедные тайны.

Я слышал их немало, секретов,
Что слезами политы,
Мне шептали про то и про это,
Про большие обиды!

Я не выдам вас, будьте спокойны.
Никогда. В самом деле,
Слишком тяжело даются вам войны.
Лучше б дома сидели.

КАК МЕНЯ ПРИНИМАЛИ В ПАРТИЮ

Я засветло ушел в политотдел
И за полночь добрался до развалин,
Где он располагался. Посидел,
Газеты поглядел. Потом — позвали.

О нашей жизни и о смерти
мыслящая,
Все знающая о добре и зле,
Бригадная партийная комиссия
Сидела прямо на сырой земле.

Один спросил:
— Не сдрейфишь?
Не сбррешешь?
— Не струсит, не солжет, —
другой сказал.
А лунный свет, валивший через брешу,
Светить свече усердно помогал.

И немцы пять снарядов перегнали,
И кто-то крикнул про жите-е-е-е-е-е,

Гимнастерки. Да, гимнастерки!
Выдают нам. Да, выдают!

Девятнадцатый год рожденья —
Двадцать два в сорок первом году —
Принимаю без возраженья,
Как планиду и как звезду.
Выхожу, двадцатидвухлетний
И совсем некрасивый собой,
В свой решительный, и последний,
И предсказанный песней бой.

Привокзальный Ленин мне снится:
С пьедестала он сходит в тиши
И, протягивая десницу,
Пожимает мою от души.

ЗАДАЧА

— Подобрать троих для операции! —
Вызвалось пятнадцать человек.

Как тут быть,

на что тут опираться?

Ошибешься — не простят вовек.

Офицер из отделенья кадров,
До раненья ротный политрук,
Посадил охотников под карту
И не сводит глаз с дубленных рук.

Вот сидят они,

двадцатилетние,

Теребят свои пилотки летние

В зимних,

в обмороженных руках.

Что прочтешь в опущенных глазах?

Вот сидят они,

благоразумные,

Тихие и смирные сверх смет,

Выбравшие

верную, обдуманную,

Многое решающую

смерть.

ХОДИКИ

Ероша стрелок черные усы,
Скрипела цепь, как новая калоша.
Но ходики — крестьянские часы —
Ходили городских часов не плоше.

Под ними фриц пил с мармеладом чай
И наш сержант возился с гимнастеркой,
Но ходики — гляди-ка, примечай! —
Идут себе, лишь только гирю дергай.

Не по часам здесь поднимался ты —
По солнышку, вползавшему в окошко.
А ходики здесь жили, словно кошка:
Не ради дела, ради красоты.

Не по часам здесь жили — по годам
И по векам, по медленным столетьям.
Но ходики не пользовались этим.

Никто и никогда не прогадал,
Сверяясь с ними, веря, доверяя.

У времени минуты добирая,
Без лжи и спешки шествуют они,
Ты только гирию вовремя тяни.

ИТАЛЬЯНЕЦ

В конце войны
 в селе Кулагино
Разведчики гвардейской армии
Освободили из концлагеря
Чернявого больного парня.
Была весна и наступление.

Израненный и обмороженный,
До полного выздоровления
В походный госпиталь положенный,
Он отлежался, откормился,
С врачами за руку простился.
И началось его хождение
(Как это далее изложено).
И началось его скитание
В Рим!
 Из четвертого барака.
Гласила: «Следует в Италию»
Им
 предъявляемая справка.

Через двенадцать язык,
Четырнадцать держав
Пошел он,
эту справку сжав,
К своей груди
прижав.
Из бдительности
ежедневно
Его подробнейше допрашивали.
Из сердобольности
душевной
Кормили кашею
трехразовую.
Он шел и шел за наступлением
И ждал без всякого волнения
Допроса,
а затем обеда,
Справку
загодя
показывая.

До самой итальянской родины
Дорога минами испорчена.
За каждый шаг,
им к дому пройденный,
Сполна
солдатской кровью
плочено.
Он шел по танковому следу,
Прикрыт броней.
Без остановки.

Мы требуем немного —
памяти.

Пускай запомнят итальянцы
И чтоб французы не забыли,
Как умирали новобранцы,
Как ветеранов хоронили,
Пока по танковому следу
Они пришли в свою победу.

О ПОГОДЕ

1

Я помню парады природы
И хмурые будни ее,
Закаты альпийской породы,
Зимы задунайской нытье.

Мне было отпущено вдоволь —
От силы и невпроворот —
Дождя монотонности вдовьей
И радуги пестрых ворот.

Но я ничего не запомнил,
А то, что запомнил, — забыл,
А что не забыл, то не понял:
Пейзажи солдат заслонил.

Шагали солдаты по свету —
Истертые ноги в крови.

Вот это,
друзья мои, это
Внимательной стоит любви.

Готов отказаться от парков
И в лучших садах не бывать,
Лишь только б не жарко, не парко,
Не зябко солдатам шагать.

Солдатская наша порода
Здесь как на ладони видна:
Солдату нужна не природа.
Солдату погода нужна.

2

Когда не бываешь по году
В насиженных гнездышках комнат,
Тогда забываешь погоду,
Покуда сама не напомнит.
Покуда за горло не словит
Железною лапой бурана,
Покуда морозом не сломит,
Покуда жарюю не ранит.

Но май сорок пятого года
Я помню поденно, почасно,
Природу его, и погоду,
И общее гордое счастье.

После
войны

ЗАСУХА

Лето сорок шестого года.
Третий месяц жара, погода.
Я в армейской больнице лежу
И на палые листья гляжу.

Листья желтые, листья палые
Ранним летом сулят беду.
По палате, словно по палубе,
Я пошатываясь бреду.

Душно мне.
Тошно мне.
Жарко мне.
Рань, рассвет, а такая жара!
За спиною шлепанцев шарканье,
У окна вся палата с утра.

Вся палата, вся больница,
Неумыта, нага, боса,
У окна спозаранку толпится,
Молча смотрит на небеса.

Отходили мы, отступали мы,
А, глядишь, до Берлина дошли.

Так, волнуясь и угрожая,
Мы за утренней пайкой идем.
Прошлогоднего урожая
Караваи
· в руки берем.

Режем,
 гладим,
 пробуем,
 трогаем
Черный хлеб, милый хлеб,
 а потом —
Возвращаемся той же дорогой,
Чтоб стоять
 перед тем же окном.

МАЛЬЧИШКИ

Все спали в доме отдыха,
Весь день — с утра до вечера.
По той простой причине,
Что делать было нечего.
За всю войну впервые,
За детство в первый раз
Им делать было нечего —
Спи
хоть день, хоть час!

Все спали в доме отдыха
Ремесленных училищ.
Все спали и не встали бы,
Хоть что бы ни случилось.
Они войну закончили
Победой над врагом,
Мальчишки из училища,
Фуражки с козырьком.

Мальчишки в форме ношеной,
Шестого срока минимум.

Они из всей истории
Учили подвиг Минина
И отдали отечеству
Не злато-серебро —
Единственное детство,
Все свое добро.

На длинных подоконниках
Цветут цветы бумажные.
По выбеленным комнатам
Проходят сестры важные.
Идут неслышной поступью.
Торжественно молчат:

Смежив глаза суровые,
Здесь,
 рядом,
 дети спят.

П Е Р Е Р Ы В

На строительстве был перерыв —
Целый час на обед и на роздых.
Полземли прокопав и прорыв,
Выбегали девчата на воздух.
Покупали в киоске батон,
Разбивали арбуз непочатый.
Это полперерыва. Потом
Полчаса танцевали девчата.

Патефон захрипел и ослаб,
Дребезжа перержавленной жостью, —
И за это покрыт был прораб
Мелодической руганью женской.

Репродуктор эфир начинал
Популярнейших песен словами.
Если диктор статью начинал,
Так они под статью танцевали.
Под звонок, под свисток, под гудок —
Лишь бы ноги ритмично ходили.

ПАМЯТЬ

Я носил ордена.
После — планки носил.
После — просто следы этих планок носил,
А потом гимнастерку до дыр износил
И надел заурядный пиджак.
А вдова Ковалева все помнит о нем,
И дорожки от слез — это память о нем,
Столько лет не забудет никак!
И не надо ходить. И нельзя не пойти.
Я иду. Покупаю букет по пути.

Ковалева Мария Петровна, вдова,
Говорит мне у входа слова.
Ковалевой Марии Петровне в ответ
Говорю на пороге: — Привет! —
Я сажусь, постаравшись к портрету спиной,
Но бессменно висит надо мной
Муж Марии Петровны,
Мой друг Ковалев,
Не убитый еще, жив-здоров.

В глянцевитый стакан наливается чай.
А потом выпивается чай. Невзначай.
Я сижу за столом,
Я в глаза ей смотрю,
Я пристойно шучу и острю.
Я советы толково и веско даю —
У двух глаз,
У двух бездн на краю.
И, утешив Марию Петровну как мог,
Ухожу за порог.

ГОЛОС ДРУГА

*Памяти поэта
Михаила Кульчицкого*

Давайте после драки
Помашем кулаками:
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
Звучит все это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
Во здравие живых!

ГЛУХОЙ

В моей квартире живет глухой —
Четыре процента слуха.
Весь шум — и хороший шум
и плохой —
Не лезет в тугое ухо.

Весь шепот мира,
и весь шорох мира,
Весь плеск,
и стон,
и шелест мира —
Все то, что слышит наша квартира,
Не слышит глухой из нашей квартиры.

Но раз в неделю,
в субботний вечер,
Сосед включает радиоящик
И слушает музыку,
слушает речи,
Как будто слух у него настоящий.

Он так поворачивает регулятор,
Что шорох мира становится
громом,
Понятен и ясен хоть малым ребятам,
Как почерк вывесок,
прям и огромен.

В двенадцать часов,
как всегда аккуратны,
На Красной площади бьют куранты.
Потом тишина прерывается гимном,
И гимн гроыхает,
как в маршевой роте,
Как будто нам вновь победить иль погибнуть
Под эти же звуки
на Западном фронте.

...А он к приемнику привалился,
И слышно, слышно, слышно соседу
То, чего он достиг, добился, —
Трубный голос нашей победы.

Он слово ее разумеет,
слышит,
Музыку он, глухой,
понимает,
И в комнате
словно ветром колышет —
Родина
крылья свои поднимает.

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Завьяловский хор стариков
Поет на эстраде фабричной.
Напев словно с детства знаком —
Старинный, бывалый, привычный.

Негромко поют старики
Слабеющими голосами.
Топорщатся их пиджаки,
И слышится в песне: «Мы — сами!

Мы сами
 сложили слова,
Мы сами
 мотив подобрали,
Мы с этой же песней
 для вас
Россию у бар отобрали».

Негромко поют старики,
Устали, должно быть, старухи,
И песни то слишком резки,
То словно бы слабы и глухи.

Они за рабочий народ
Полвека уже выступают —
Поют, говорят, убеждают.
Устали — ну что же!
И вот
Весь зал в эту песню вступает.
Мы, как по сигналу,
встаем
И старую песню поем.

•

О Д Н О Ф А М И Л Е Ц

В рабочем городке Солнечногорске,
В полсотне километров от Москвы,
Я подобрал песка сырого горстку —
Руками выбрал из густой травы.

А той травой могила поросла,
А та могила называлась братской.
Их много на шоссе на Ленинградском,
И на других шоссе их без числа.

Среди фамилий, врезанных в гранит,
Я отыскал свое простое имя.
Все буквы — семь, что памятник хранит
Предстали пред глазами пред моими.

Все буквы — семь —сходились у нас,
И в метриках и в паспорте сходились,
И если б я лежал в земле сейчас,
Все те же семь бы надо мной светились.

Но пули пели мимо — не попали,
Но бомбы облетели стороной,
Но без вести товарищи пропали,
А я вернулся. Целый и живой.

Я в жизни ни о чем таком не думал.
Я перед всеми прав, не виноват,
Но вот шоссе, и под плитой угрюмой
Лежит с моей фамилией солдат.

В ДОМЕ ОТДЫХА ПИЩЕВИКОВ

В доме отдыха пищевиков
Я живу
 почти как в отчем доме:
Шашками — забавой стариков —
Забавляюсь,
 сна и чтенья кроме.

В первый день — мы спали целый день.
День второй — мы тоже больше спали.
Третий день — вставать нам было лень,
К завтраку мы даже не вставали.

Хорошо здесь! Очень хорошо!
Тихо здесь! Тише — не бывает.
Новый шлях,
 болото пробивая,
Наш лесок
 сторонкой обошел.

...Вот к столу идут пищевики,
Разговаривают с пищевиками,
Хлеба сероватые куски
Трогают тяжелыми руками.

Пять минут осталось до обеда,
А к обеду очень всем нужны
Белый хлеб — веселый хлеб победы,
Черный хлеб — жестокий хлеб войны.

Все пиры, что пировал народ,
Сухари
 годин его несчастья,
Все — от их безропотных щедрот,
Қо всему
 пишевики причастны.

Мир вам, люди тяжкого труда,
Мир заботам вашим
 и усильям!
Хлеб, что ваши руки замесили,
Да пребудет с вами
 навсегда!

БАНИ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке?
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск,
 как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких
 спины
Один другому бодро трёт.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали
 война
 и труд.

Там по рисунку каждой травмы
Читаю каждый вторник я

Без лести и обмана драмы
Или романы без вранья.

Там на груди своей широкой
Из дальних плаваний

матрос

Лиловые татуировки
В наш сухопутный край
занес.

Там я, волнуясь и ликуя,
Читал,

забыв о кипятке:

«Мы не оставим мать родную!» —
У партизана на руке.

Там слышен визг и хохот женский
За деревянную стеной.
Там чувство острого блаженства
Переживается в парной.

Там рассуждают о футболе.

Там

с поднятою головой

Несет портной свои мозоли,
Свои ожоги — горновой.

Но бедствий и сражений годы
Согнуть и сгорбить не смогли
Ширококостную породу
Сынов моей большой земли.

Вы не были в раю районом,
Что меж кино и стадионом?
В той бане
парилась иль нет?
Там два рубля любой билет.

* * *

Когда убили Белоянниса,
В тот самый день, когда убили,
Собрались — не побоялись —
Друзья героя на могиле.

И славным именем товарища
Назвали площадь городскую,
Где камни, стены и трава еще
О нем и помнят и тоскуют.

О том переименовании
Молчит газет лихая клика,
Но знает новое название
Народ от мала до велика.

Идут афинские автобусы,
Звенят по городу трамваи.
Исполненный
античной
доблести,
Кондуктор площадь называет!

Назвал, стоит и не сгибается,
Исполнен доблести безмерной.
А Белояннис улыбается
Ему
улыбкою бессмертной.

Мальчишка-гид ведет по городу
Туриста с челюстями лошади.
— Мы где? — В ответ прямое, гордое:
— На Белояннисовой площади.

Сказал — как будто гвоздь вколачивал.
И видно недругу и другу,
Как Белояннис брату младшему
Сжимает худенькую руку.

Еще над площадью мотаются
Чужие флаги злыми вихрями,
А все же площадь называется
По-нашему,
а не по-ихнему.

Она,
прекрасная и грозная,
Свободой тайною грохочет
И знает: рано или поздно,
А будет,
как народ захочет.

ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В те годы утром я учился сам,
Но вечером преподавал историю
Для тех ее вершителей, которые
Историю вершили по утрам:
Для токарей, для слесарей, для плотников,
Встававших в полшестого, до гудка,
Для государства нашего работников,
Для деятелей стройки и станка.

Я был и тощ и невысок, а взрослые —
Все на подбор, и крупные и рослые,
А все-таки они день ото дня
Все терпеливей слушали меня.

Работавшие день-деньской, усталые,
Они мне говорили иногда:
— Мы пожилые. Мы еще не старые.
Еще учиться не ушли года. —
Работавшие день-деньской, до вечера,
Карандашей запасец очиня,
Они упорно, сумрачно и вежливо
И терпеливо слушали меня.

Я факты объяснял,
а точку зрения
Они, случалось, объясняли мне.
И столько ненависти и презрения
В ней было
к барам,
к Гитлеру,
к войне!

Локтями опершись о подоконники,
Внимали мне,
морщина глыбы лбов,
Чапаева и Разина поклонники,
Сторонники
голодных и рабов.

А я гордился честным их усердием,
И сам я был
внимателен, как мог.
И радостно,
с открытым настежь сердцем,
Шагал из института на урок.

Музыка
на вокзале

СЧАСТЬЕ

Л. Мартынову

Словно луг запàх
В самом центре городского быта:
Человек прошел, а на зубах
Песенка забыта.
Гляньте-ка ему вослед —
Может, пьяный, а скорее нет.

Все решили вдруг:
Так поют после большой удачи, —
Скажем, выздоровел друг,
А не просто выстроилась дача.
Так поют, когда вернулся брат,
В плен попавший десять лет назад.

Так поют,
Разойдясь с женою нелюбимой,
Ненавидимой, невыносимой,
И, сойдясь с любимой, так поют,
Со свиданья торопясь домой,
Думая: «Хоть час, да мой!»

Так поют,
Если с плеч твоих беда свалилась, —
Целый год с тобой пить-есть садилась,
А свалилась в пять минут,
Если эта самая беда
В дверь не постучится никогда.

Шел и пел
Человек. Совсем не торопился.
Не расхвастался и не напился!
Удержался все же, утерпел.
Просто — шел и пел.

ТРИ СЕСТРЫ

Я разобрал рязанскую игрушку,
Изображавшую старушку,
Со вложенной в нее еще одной
Старушкою вырезной.
Три круглых бабы в красных сарафанах,
Три добрых, ладных, гладких, деревянных
Предстали на ладони предо мной.

Я вспомнил комнату, где на рояле
Три этих женщины всегда стояли
Как символ дома и как герб семьи,
И вас, живые женщины мои,
Похожих до смешного друг на друга
И на прабабку — важную старуху
(В шкафу альбом и локонов струи).

Когда бы вы туда ни забрели,
Мужчин — как будто не изобрели,
Как будто их забыли.

И к тому же
Я не слышал о сыне или муже,

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски — значит «Слава», —
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и все. А все-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

ЗООПАРК НОЧЬЮ

Зоопарк, зверосад, а по правде—так зверотюрьма,—
В полумраке луны показал мне свои терема.
Остров львиного рыка
В океане трамвайного рева
Трепыхался, как рыбка,
На песке у сапог рыболова.
И глухое сочувствие тихо во мне подымалось:
Величавость слонов, и печальная птичья малость,
И олень, и тюлень, и любое другое зверье
Задевали и трогали
Сердце мое.
В каждой клетке — глаза —
Словно с углями ящик...
Но проходят часы,
И все меньше горящих,
Потухает и гаснет в звериных глазах,
И несчастье
Спускается на тормозах...
Вот крылами накрыла орленка орлица,
Просто крыльями,

Просто птенца,
Просто птица.
Львица видит пустыню в печальном и спутанном сне.
Белке снится, что стынет
Она на таежной сосне...

ГУДКИ

Я рос в тени завода
И по гудку, как весь район, вставал —
Не на работу:

я был слишком мал —
В те годы было мне четыре года.
Но справа, слева, спереди — кругом
Ходил гудок. Он прорывался в дом,
Отца будя и маму поднимая.
А я вставал
И шел искать гудок, но за домами
Не находил:
Ведь я был слишком мал.

С тех пор, и до сих пор, и навсегда
Вошло в меня: к подъему ли, к обеду
Гудят гудки — порядок, не беда,
Гудок не вовремя — приносит беды.

Не вовремя в тот день гудел гудок,
Пронзительней обычного и резче,

МЕДНЫЕ ДЕНЬГИ

Я на медные деньги учился стихам,
На тяжелую, гулкую медь,
И набат этой меди с тех пор не стихал,
До сих пор продолжает греметь.
Мать, бывало, на булку дает мне пятак,
А позднее — и два пятака.
Я терпел до обеда и завтракал так,
Покупая книжонки с лотка.
Сахар вырос в цене или хлеб дорожал —
Дешевизною Пушкин зато поражал.
Полки в булочных часто бывали пусты,
А в читальнях ломились они
От стиха,

от безмерной его красоты.

Я в читальнях просиживал дни.

Весь квартал наш

меня сумасшедшим считал,

Потому что стихи на ходу я творил,

А потом на ходу, с выраженьем, читал,

А потом сам себе: «Хорошо!» — говорил.

Да, какую б тогда я ни плел чепуху,
Красота, словно в коконе, пряталась в ней.
Я на медную мелочь

учился стиху.

На большие бумажки

учиться трудней.

ВТОРОЙ ЭТАЖ

Я жил над музыкальной школой.
Меня будил проворный, скорый,
Быстро-поспешный перебряк:
То гармонисты, баянисты,
А также аккордеонисты
Гоняли гаммы так и сяк.
Позднее приходили скрипки,
Кларнет, гитара и рояль.
Весь день на звуке и на крике
Второй, жилой этаж стоял.
Все только музыки касалось —
Одной мелодии ногой,
И даже дом, как мне казалось,
Притопывает в такт ногой.
Он был проезжею дорогой —
Веселой, грязной и широкой,
Открытой настежь целый день
Для прущих к музыке людей.
Я помню их литые спины
И не забуду до конца
Замах рублевый кузнеца
Над белой костью пианино.

Как будто бы земля сама
На склоне лет брала уроки,
Гремели из дому грома,
Певцы ревели, как пророки.
А наш второй этаж, жилой,
Оглохнув от того вокала,
Лежал бесшумною золой
Над красным пламенем вулкана.

ПОЕЗДА

Скорые поезда, курьерские поезда.
Огненный глаз паровоза —
Падающая звезда,
Задержанная в падении,
Летящая мимо перронов,
И многих гудков гудение,
И мерный грохот вагонов.

На берегу дороги,
У самого синего рельса,
Зябко поджавши ноги,
Мальчик сидел и грелся.
Черным дымом грелся,
Белым паром мылся,
Мылся белым паром,
Стремился стать кочегаром.
Как это было недавно!
Как это все известно!

Словно в район недалёкий,
Словно на поезде местном,

Еду я в эти годы —
Годы пара и дыма
И паровозов гордых
С бригадами молодыми
В белых и черных сорочках,
Белых и черных вместе.
Еду на этих строчках,
Как на подножках ездил.

БЛУДНЫЙ СЫН

Истощенный нуждой,
Истомленный трудом,
Блудный сын возвращается в отческий дом
И стучится в окно осторожно.
— Можно?
— Сын мой! Единственный! Можно!
Можно все. Лобызай, если хочешь, отца,
Обгрызай духовитые кости тельца.
Как приятно, что ты возвратился!
Ты б остался, сынок, и смирился. —
Сын губу утирает густой бородой,
Поедает тельца,
Запивает водой,
Аж на лбу блещет капелька пота
От такой непривычной работы.
Вот он съел, сколько смог.
Вот он в спальню прошел,
Спит на чистой постели.
Ему — хорошо!
И встает.
И свой посох находит.
И, ни с кем не прощаясь, уходит.

Злорадный, бывалый, прожженный
И хитрый

бульвар

приуныл:

То сын ее,

в муках рожденный,

Ее от обид заслонил.

* * *

Музыка на вокзале,
Играющая для всех:
Чтоб мимоездом взяли
Плач на память

и смех.

Многим ты послужила,
Начатая давно,
Песенка для пассажиров,
Выглянувших в окно.

Диктор какой-то нудный
Рядом с тобою живет:
Еже-почти-минутно
Режет тебя и рвет.
Все же в транзитном зале
Слушают не дыша.
Музыка на вокзале!
Значит, ты хороша.
Значит, гудки не мешают
Песне греметь с утра.
Музыка, ты большая.
Музыка, ты добра.

Не уставай, работай!
Век тебя слушать готов.
Словно море у борта —
Музыка влечь поезда.

* * *

Толпа на Театральной площади.
Вокруг столичный люд шумит.
Над ней четыре мощных лошади,
Пред ней экскурсовод стоит.

У Белорусского и Курского
Смотреть Москву за пять рублей
Их собирали на экскурсию —
Командировочных людей.

Я вижу пиджаки стандартные —
Фасон двуборт и одноборт,
Косоворотки аккуратные,
Косынки тоже первый сорт.

И старые и малолетние
Глядят на бронзу и гранит, —
То с горделивым удивлением
Россия на себя глядит.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТЫРЕ ВОЕННЫХ ГОДА

Памятник	7
Кельнская яма	10
Гора	13
Госпиталь	16
Военный рассвет	19
Последнюю усталостью устав...	21
Хуже всех на фронте пехоте!..	22
Как меня принимали в партию	24
Сон	26
Писаря	28
Задача	31
Ходики	33
Итальянец	35
О погоде	39
Я говорил от имени России...	42

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Засуха	47
Мальчишки	50
Перерыв	52
Память	54
Голос друга	56
Глухой	58
Рабочая песня	60
Однофамилец	62

В доме отдыха пищевиков	64
Баня	66
Когда убили Белоянниса...	69
Школа для взрослых	71

МУЗЫКА НА ВОКЗАЛЕ

Счастье	75
Три сестры	77
Лошади в океане	79
Зоопарк ночью	81
Гудки	83
Медные деньги	85
Второй этаж	87
Поезда	89
Блудный сын	91
С нашей улицы	92
Памяти товарища	94
Музыка на вокзале...	95
Толпа на Театральной площади...	97

Слуцкий Борис Абрамович

ПАМЯТЬ

*

Редактор *В. Ф. Огнев*. Художник *А. Е. Голяховская*
 Худож. редактор *Е. И. Балашева* Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*
 Корректор *Л. А. Матасова*

Сдано в набор 29/III 1957 г. Подписано к печати 22/VI 1957 г.

A05338. 70 × 108^{1/32}. Печ. л. 3^{1/8} (4,28). Уч.-изд. л. 2,41.

Тираж 10 000 экз. Заказ_153. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Советский писатель»

Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., 10

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Министерства Обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

1 р. 20 к.